

ЗА РОДИНУ

Сила веры

Анатолий Петров

Иногда от некоторых соплеменников приходится слышать, что речи Адольфа Гитлера, якобы, предназначены исключительно для немецкого народа, а нас, русских, касаются мало. Такое мнение в корне неправильно, даже абсурдно.

Обращения Фюрера, возглавившего освободительную борьбу против большевизма, своим всеобъемлющим характером непосредственно касаются и нас русских — членов семьи европейских народов. Вот почему каждая речь Фюрера должна быть воспринята русскими людьми с самым большим вниманием, так как она, в противоположность пустому и лживому бахвальству противников, не только правдиво и откровенно освещает положение, но и указывает путь в общей борьбе против большевизма.

В этом снова убеждаешься, после ознакомления с последней речью Фюрера, помещенной во вчерашнем номере нашей газеты. Именно теперь, когда на московской конференции прозвучали лживые голоса «союзников», слова Фюрера четко вырисовываются на общем международном фоне, благодаря их простоте, откровенности, достоинству и спокойствию.

В настоящий момент, когда многие русские люди добровольно покидают насиженные места, дабы не попасть в кровавые лапы советских опричников, нас особенно интересует вопрос дальнейшего развития военных событий и, вместе с тем, нашего будущего. На это Адольф Гитлер дал ясный и определенный ответ: борьба против большевизма будет продолжаться до окончательной победы и полного торжества над врагом человечества.

Это твердое решение Германии — лучшая гарантия осуществления чаяний русского народа, залог счастливого будущего России.

Из речи Фюрера мы можем черпать новые силы. Его огненные слова следуют особенно хорошо запомнить каждому неуверенному в благоприятном для Новой Европы исходе великой борьбы. Нельзя забывать, что после величайших побед естественно могут следовать отдельные неудачи. В такие периоды перед нами всегда должна быть конечная цель — победа. Поэтому нужно собрать всю силу воли, отбросить малодушие, продолжать работу и борьбу в любых условиях, жертвовать дорогим и близким.

Никогда еще общность судьбы русского и немецкого народов не была столь тесной, как теперь. В связи с речью Фюрера интересно провести параллель между участием многих миллионов русских и немецких людей. Говоря о больших жертвах, принесенных немецким народом на благо Европы, Фюрер коснулся также судьбы населения тех областей Германии, которые пострадали от террористических налетов англо-американских воздушных бандитов. Эти люди, во многих случаях лишенные имущества, иногда потерявшие своих близких, продолжают упорно трудиться, внося посильную лепту в дело великой исторической борьбы. Такая поддержка пострадавших, но внутренне не сломленных людей, для нас, русских, должна служить примером. Мы должны не сетовать на свое, временами тяжелое, положение, а так же, как мужественный и спаянный немецкий народ, не покладая рук, работать для нужд фронта и тыла.

Немецкий народ, — подчеркнул Адольф Гитлер, — отлично понимает и сознает, что только окончательная победа даст ему свободную и спокойную жизнь, достойную человека. То же самое мы можем сказать и о себе. В случае победы Сталина, все жертвы, принесенные русским народом, оказались бы напрасными и мы, либо погибли бы от пуль чекистов, либо стали бы рабами ненавистного советского режима.

Поэтому, только выдержка и упорная борьба приведут нас к новой лучшей жизни. Другого выхода у нас нет и быть не может.

Пламенным призывом прозвучали слова Фюрера о непоколебимой вере в победу, столь необходимой для успешного завершения войны. Только сильная вера, которую не смогут по-

Ожесточенные бои у Киева и Невеля

Большое танковое сражение

Главная Ставка Фюрера, 10 ноября. Верховное командование германскими вооруженными силами сообщает:

9 ноября в Крыму происходили бои местного значения. Юго-восточнее Перекопа румынские соединения контратакой отбили временно потерянную было горную территорию.

На днепровском участке фронта потерпели неудачу советские атаки на херсонское предместное укрепление, а также к юго-западу от Днепрпетровска и к северу от Кривого Рога.

Охране суда германского военного флота потопили 6 из 8 советских судов, пылавшихся проникнуть в устье Днепра; 2 другие судна захвачены.

В районе Киева непрерывно продолжаются ожесточенные бои с крупными советскими силами, ведущими атаки на широком фронте, несмотря на плохую погоду. Западные и северо-западные Киева германские войска, отражая попытки превосходящих по численности неприятельских войск добиться прорыва, — отошли на новые позиции. Юго-западнее города, в результате успешной германской контратаки, произошли большие танковые бои. Уничтожено 45 советских танков; захвачено несколько потерянных ранее населенных пунктов.

Северо-западнее Смоленска советские войска продолжают свои атаки. В не-

которых местах еще ведутся бои с частями неприятеля, добившимися местных вклинений, другие вклинения ликвидированы контрударами.

К югу от Невеля ожесточенные бои продолжались и 9 ноября. Вначале советским войскам удалось добиться небольшого территориального приобретения, но затем они были отброшены на свои исходные позиции.

В южной Италии оборонительное сражение западнее Волтурно продолжается с прежней ожесточенностью. Сильные англо-американские части непрерывно возобновляли атаки, направленные на прорыв германских высотных позиций, в особенности у Миньяно и Венаффо. Оборонительный огонь германских войск нанес неприятелю большие потери и отразил его атаки. Мощными контрударами германские войска очистили несколько местных вклинений, захватив при этом пленных.

Сильные соединения германских боевых самолетов прошлой ночью снова бомбардировали базу неприятельского снабжения — Неаполь; зарегистрированы прямые попадания бомб на суда и разгрузочные сооружения в порту.

При дневных полетах небольших соединений неприятельской авиации над оккупированными западными областями и при ночных налетах на западную Германию, сбито 4 англо-американских самолета, в некоторых местах причинены незначительные разрушения.

Доблестный летчик японской авиации — гроза неприятельского флота.

Погиб еще один американский линкор

Из 148 самолетов сбито 84

Токио, 11 ноября.

Японская императорская ставка сообщает, что затонул неприятельский линкор, о повреждении которого в сражении под Бугенвилем сообщалось ранее.

Кроме того, поступили сведения о следующих успехах японцев в этом воздушном сражении: повреждено еще три больших крейсера и один небольшой крейсер или эсминец; сбито еще три неприятельских

самолета. Японские потери повысились на пять самолетов.

Согласно сведениям, поступившим из Рабаула, во время англо-американских налетов, помимо 51 самолета, сбитого японскими летчиками, зенитная артиллерия сбила еще 33. Таким образом, неприятель потерял 84 самолета из 148, участвовавших в этих операциях.

Тихоокеанское могущество Японии

Шанхай, 11 ноября.

8 ноября в Тихом океане, недалеко от острова Бугенвилля, произошло сражение с неприятельским десантным флотом. После победы, одержанной японцами неполных два года тому назад в Перл-Харборе, победа у Бугенвилля является величайшим достижением японской боевой авиации.

Япония этой победой одним ударом разбила все иллюзии Рузвельта и генерала Мак Артура. Благодаря этой победе, дальнейшее продвижение американцев на Бугенвилль стало невозможным.

Японские войска продвигаются вперед

Нанкин, 11 ноября.

Японские войска в Китае перешли в наступление у озера Тунтинг в Северном Хунане.

44-ая, 66-ая и 79-ая чунцинские дивизии, не выдержав натиска японцев, отступили в Папашанские горы.

Новый германский самолет „Гигант“

Берлин, 11 ноября.

В Германии опубликованы первые снимки нового величайшего немецкого транспортного самолета «ME 323», названного «Гигантом».

Размах крыльев этого гигантского самолета достигает 55 метров. Особенно интересна конструкция шасси самолета, коренным образом отличающаяся от обычных типов. Шасси состоит из десяти колес, установленных так, что самолет способен, как на гусеничном ходу, преодолевать неровности почвы. Погрузочная емкость самолета превышает 100 куб. метров. Он может поднять 130 солдат с полным вооружением, взять на борт орудия, танки или грузовые автомашины.

Самолет приспособлен также для транспорта раненых. За один рейс он может перевезти до 60 раненых.

Этот гигантский самолет построен на заводе Мессершмидта и снабжен шестью моторами. Несмотря на огромные размеры машины, экипаж ее состоит только из пяти человек.

Уверенность в победе

Европа о речи Фюрера

Речь Фюрера произвела большое впечатление на весь мир.

Первые отклики европейской печати подчеркивают непоколебимую уверенность Германии в победе, выраженную в речи Фюрера, и говорят о том, что Германия хладнокровно и с большой выдержкой переносит все тяготы войны.

В Италии речь Фюрера стала предметом горячего обмена мнениями, заняв центральное место на столбах итальянской печати. Особенное одобрение в Риме вызвало заявление Фюрера, что штурм англо-американцами Бреннерского перевала превратился в черепашие наступление. Итальянцы с большим удовлетворением приняли слова Фюрера о предстоящем возмездии за англо-американский воздушный террор.

Финские газеты поместили речь Фюрера полностью, озаглавив ее: «Победа будет за Европой», «Германия — непреодолимый барьер для восточной опасности». Подчеркивая силу и уверенность немецкого народа, воплотившиеся в речи Фюрера, финские газеты касаются недавней московской конференции и приходят к заключению, что после этой конференции финский народ еще теснее сплотился вокруг своих вождей и стремится лишь к одной цели — обеспечению своей свободы и независимости от большевистских покушений. Решение московской конференции относительно будущего финского народа, там принято, как оскорбле-

ние. Финский народ так же решительно и твердо будет продолжать борьбу за свою свободу, как и в первые дни зимней войны 1939 года.

В Румынии особенно сильное впечатление произвело слова Фюрера о страшной опасности, угрожающей с востока народам, соседним с Советским Союзом. Газета «Вьятца», подчеркивая то место речи, где было сказано, что положение в Германии коренным образом отличается от условий 1914-17 годов, констатирует, что «Германия никогда не капитулирует, как бы долго ни продолжалась война». Другие газеты подчеркивают, что окружение Германии имело целью полное уничтожение ее государственности, однако, Германия сложит оружие лишь победив своих врагов. Победа будет одержана в последнем бою. Пропаганда же противников бессильна по отношению к немецкому народу.

Болгарская газета «Зоря» пишет, что лишь Германия может справиться с большевистской опасностью, прозорливо установленной Фюрером еще задолго до возникновения войны. Газета выражает свое удовлетворение тем, что Фюрер положил предел многим слухам, распространившимся враждебной пропагандой.

Норвежская печать тоже подчеркивает твердую уверенность Германии в победе. Опасность, угрожающая Европе, достигла теперь предельных размеров. — пи-

шет «Моргенпостен», — но именно теперь яснее, чем когда бы то ни было, видно, что нет другой силы, кроме Европы, руководимой Германией, которая смогла бы удержать натиск большевизма на континент в спаси европейскую культуру.

Первые страницы испанских газет почти целиком заполнены речью Адольфа Гитлера. Газеты останавливаются на заявлении Фюрера о предстоящем возмездии за террористические налеты, и на его словах, что верить в соглашение с большевиками может только глупцы.

Речь Фюрера произвела глубокое впечатление и на португальскую общественность. Особое внимание там вызвала уверенность Адольфа Гитлера в окончательной победе немецкого народа и его заверения в том, что Германия никогда не капитулирует. Сильное впечатление произвели также слова о предстоящем возмездии за воздушный террор, особенно в связи с тем, что Фюрер никогда не бросает слов на ветер.

Шведская газета «Дagens Nyheter» озаглавила речь, помещенную ею полностью, словами Фюрера «Невозможное надо сделать возможным» и «Окончательная победа — за Германией».

Почти все нейтральные газеты сходятся во мнении, что речь Адольфа Гитлера являлась выражением непоколебимой воли, твердости и выдержки немецкого народа, а также его полной уверенности в грядущей победе.

Фюрер принял болгарского министра

Берлин, 11 ноября.

Фюрер принял министра-президента и министра иностранных дел Болгарии и имел с ними подробную беседу по всем вопросам, касающимся обеих стран.

Переговоры, в которых принимал участие также германский министр иностранных дел, протекали в духе сердечного единения и традиционной дружбы Германии и Болгарии.

Свидетели рассказывают

Расправа большевиков в занятых областях

Многочисленные пленные красноармейцы и перебежчики из советской армии были очевидцами страшной расправы большевиков с гражданским населением во вновь занятых ими областях. Вернувшиеся из этого ада воочию убедились в чудовищном противоречии между «освобождением», обещанным большевистской агитацией, и действительностью. Рассказы их наполнены подлинной жутью.

Первая волна террора касается всех гражданских лиц, бывших на германской службе. Сражу же, обычно, расстреливают старост, служащих и местную охрану, а также всех, ушедших с немцами, но вернувшихся затем обратно, и бойцов добровольческих соединений, тем или иным путем попавших в руки большевиков.

За второй расстрелов следует поголовный грабег населения, выражающийся в реквизиции всех запасов продовольствия, имеющихся у жителей. У крестьян отнимаются весь сбор последнего урожая. Затем в занятые места, обычно, возвращаются темные элементы, бежавшие в свое время вместе с отступающими советскими войсками.

После этого начинается вторая, самая страшная, волна террора. В большинстве случаев арестовывают всех, имевших какое-либо отношение к германскому управлению или оказывавших какие-либо услуги немецким солдатам. Расстрелы часто сопровождаются мучительными пытками и издевательствами.

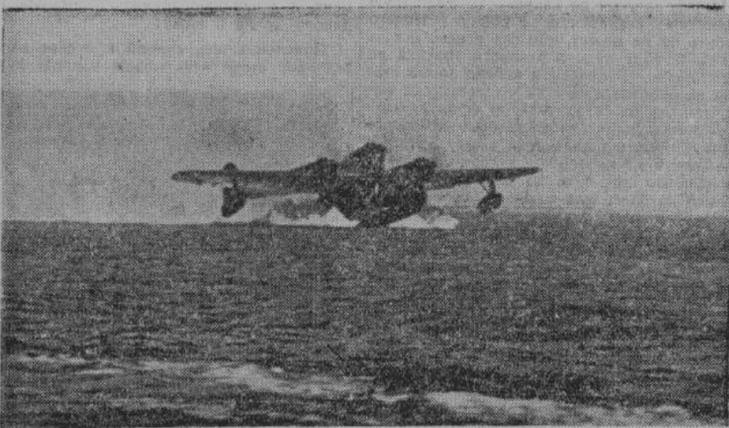
В. Шумилин.

Антибольшевицкое движение в Греции

Афины, 11 ноября.

В Афинах и во всей Греции с каждым днем все более интенсивным становится антибольшевицкое движение. Во всех оживленных пунктах устанавливаются большие плакаты, надписи которых говорят о несчастьях, грозящих Греции и всей Европе от большевизма.

Многие греческие национальные организации призывают население к борьбе за сохранение религии, родины и семьи. Греческая печать, в свою очередь, также помещает статьи, открывающие населению глаза на большевистскую опасность.

Как только получено сообщение о приближении американских судов, японский морской самолет поднимается навстречу противнику.

колебать никакие лживые измышления из лагеря противников, на которую не в состоянии повлиять никакие события — залог окончательной победы.

Надо признать, что именно вера и сила духа нам, русским, в нынешнюю тяжелую годину истории нашего народа необходимы больше всего. В минуты слабости мы не должны забывать славного прошлого нашей родины, помнить о великих подвигах и жертвенности лучших ее сынов, думать о великой ответственности перед грядущими поколениями.

Да будет речь Фюрера для нас новым источником сил, да придаст она нам бодрость и укрепит незыблемую веру в победу над большевизмом.

Будем в это верить твердо и неуклонно, будем этой верой питать всех малодушных и неустойчивых. Не будем прислушиваться к напештыванью врагов нашего народа, а останемся верными священной клятве воссоздать Россию.

«А паче всего возьмите щиты веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого».

Конгресс национального Азербайджана

Берлин, 11 ноября.

В Берлине состоялся конгресс представителей всех национальных группировок Азербайджана. Председательствовал майор Азербайджанского легиона, Дудангинский.

Конгресс засвидетельствовал верность семимиллионного азербайджанского народа делу борьбы за освобождение Европы от большевистской власти, подавляющей любое проявление национального чувства.

Участники конгресса возложили венок у Памятника Героев и были приняты в министерстве восточных областей.

Мания разрушения

Лиссабон, 11 ноября.

Пытаясь оправдать свое варварское нападение на Ватикан, англо-американские воздушные пилоты усиленно распространяют в нейтральных странах памфлет Герберта Уэллса, в котором сказано:

«Мы до сих пор еще не бомбардировали Рима, а основательная бомбежка итальянской столицы не только желательна, но и необходима. Рим является не только историческим и центром фашизма, но и резиденцией Папы, который, вступив на престол, стал явным союзником держав Оси. Ни разу еще не поднял он своего голоса против Германии или фашистской Италии.

Почему же мы не бомбардируем Рим? Отчего мы допускаем, что Папа организует псевдо-католическое разрушение демократической свободы? Видно, в этом сознательное ослепление английского министерства иностранных дел, не выступившего еще до сих пор с обвинениями по адресу нынешнего римского католицизма.»

Эти слова Герберта Уэллса вскрывают всю сущность английской плутократии и показывают, насколько даже крупный английский писатель подпал под влияние сатанинской мании разрушения.

БОИ В ТИХОМ ОКЕАНЕ

Серьезные намерения борющихся сторон

Последние специальные сообщения из главной японской ставки, снова привлекали внимание всего мира к военным событиям в Тихом океане.

Мощными ударами японская авиация, при поддержке флота, в районе Соломоновых островов в течение 14 дней уничтожила 72 англо-американских судна и сбива 400 самолетов. Как уже сообщалось, Англия и США потеряли очень крупные единицы своего флота и понесли непоправимые потери.

Бои у Бугенвилля — самого важного и крупного острова Соломоновых архипелага — начались 1 ноября, при чем уже спустя несколько дней, сражение приняло весьма ожесточенный характер.

Борьба здесь идет не только за овладение всем районом Соломоновых островов, но имеет куда большее значение: американцы пытаются приобрести исходную базу, необходимую для нападения с двух сторон на архипелаг Бисмарка (острова Новая Гвинея и Новая Мекленбург). В первую очередь американцы желают завладеть Рабаудом на Новой Померании, дабы твердо обосноваться на этом важном в стратегическом отношении острове. Открыть наступление, обойдя Бугенвилль, было бы нецелесообразно, так как при наличии японских сил на Бугенвилле, остров явился бы опасной угрозой японского удара по флагманам противника.

Помимо этого, атаки на Бугенвилль соответствуют принципам новой американской тактики, так называемых «маленьких прыжков». Следует подчеркнуть, что американцы другой возможности вклинения в японские стратегические позиции не имеют.

Началом наступления на Бугенвилль послужила высадка неприятеля на острове Моно, в непосредственной близости от Бугенвилля. На острове Моно не было японского гарнизона и он защищался японцами исключительно с воздуха. Поэтому десант

американцев удался. Эта операция для неприятеля имела целью создание недалеко от района будущего сражения авиационной базы. Однако, несмотря на то, что американцы располагают вспомогательными средствами для организации воздушных баз, в данном случае им для устройства аэродромов было слишком мало времени.

Американские наступательные илы, брошенные в бой в Бугенвилльском направлении, находятся под командованием адмирала Хельси, и раньше руководившего операциями в юго-западной части Тихого океана.

После десанта на острове Моно (27 октября), спустя несколько дней к побережью Бугенвилля направились крупные силы американского флота. 31 октября японцы совершили первый налет на неприятельские суда. Бомбардировка американских кораблей продолжалась до 5 ноября. Тем временем американские и австралийские части высадились в заливе Королевы Августы. Счита-

ется с серьезным сопротивлением японцев, американское командование стянуло сюда очень крупные военно-морские силы. Помимо этого адмирал Хельси располагает от двух до трех тысяч самолетов, находящихся во всем районе юго-западной части Тихого океана, десятью американскими дивизиями, а также австралийскими частями.

Японская императорская ставка предприняла все возможные шаги, чтобы должным образом ответить на ожидавшийся удар.

Сообщения на японской ставке свидетельствуют о блестяще проведенных мероприятиях, которые привели к большому успеху. Грандиозный размах сражения говорит о серьезных намерениях борющихся сторон. Как японцы, так и американцы пытаются уязвить неприятельские тыловые базы снабжения. Рабауд является главной базой японцев и целью непрекращающихся американских налетов. Японцы же, главным образом, бомбардируют важные базы снабжения противника в Мунде на Новой Гвинеи.

У всех в памяти тяжелые бои за остров Гвадалканал, в которых американцы понесли очень большие потери. Заявка нынешнего сражения за Бугенвилль разрешает думать, что американцы и в этом случае, не смотря на колоссальный урон, наступление будут продолжать. Адмирал Хельси говорит о разгоревшихся боях, как о «величайшем рискованном предприятии в юго-западной части Тихого океана».

В японских кругах указывают, что американцы, по видимому, не откажутся от своих намерений и будут бросать в бой все новые силы.

Одно ясно уже теперь — тяжелые бои американского военно-морского флота и авиации скажутся в дальнейшем ходе событий. Надо еще отметить, что на японской стороне потери невелики: потоплен один эсминец и легко поврежден один крейсер, а японская авиация потеряла только 48 самолетов.

Карта военных действий в районе Соломоновых островов.

Опасения Черчилля...

Стокгольм, 11 ноября.

На днях Черчилль произнес в Ливорне речь. Между прочим, он заявил: «Со стороны союзников является ошибкой строить дальнейшие планы действий на предположении скорой капитуляции Германии. В 1944 году война еще более ожесточится и нам предстоит тяжелая борьба за жизнь.»

Нельзя терять времени в мечтах о радостях мирной жизни. Гитлер попрежнему располагает бесчисленными дивизиями.»

Далее Черчилль подчеркнул боевой опыт германских солдат и указал на то, что этот факт сильно может повлиять на исход предстоящих тяжелых боев. Нельзя также, подчеркнул Черчилль, — исключить возможность нападения и на саму английскую метрополию.

Лондон в обиде

Берн, 11 ноября.

Подписание договора об увеличении англо-американских поставок Советскому Союзу, причем впервые в роли поставщика выступила также Канада, вызвало в Англии явное разочарование. Указывается на то, что Москва до сих пор не нашла нужным отметить материальную помощь со стороны Англии и США, не говоря уже о какой-либо благодарности.

Английская печать во время происходивших в Москве переговоров старалась подчеркнуть значительность английской материальной помощи большевикам. Газета «Дейли Мейл» указывает теперь на то, что без англо-американской помощи положение СССР было бы более критическим.

Провал английской затей

Анкара, 11 ноября.

В Каире (Египет) закончились переговоры представителей отдельных арабских государств о создании, так называемого, «арабского союза» под покровительством Англии.

Конференция провалилась, так как большинство делегатов отказались обсуждать вопрос о создании этого союза, пока англичане не разрешат палестинский вопрос, что, конечно, не на руку нудифильтующему английскому правительству.

Вина чунцинского Китая

Нанкин, 11 ноября.

В Национальном Китае царит глубокая огорченность по поводу продолжения бесмысленной китайской войны, противоречащей всем идеям Великой Восточной Азии.

Ответственность за эту кровавую трагедию полностью несет чунцинский Китай, идущий за английской и американской плутократией, так как он, после заключения японо-китайского союзного договора и токийской конференции, не имеет уже вовсе никаких оснований продолжать войну.

Со всего света

Амстердам. — По сообщению английского агентства Рейтер, генерал Жиро освобожден от обязанностей председателя комитета французских эмигрантов.

Гельсингфорс. — За последнее время в англо-американской печати появились сообщения о якобы существующих намерениях Финляндии прекратить военные действия. Как указывают в официальных гельсингфорских кругах, вся эта чушь является преднамеренным вымыслом врагов и их агентов, безуспешно пользующихся негодными средствами лживой информации.

Рим. — В Италии выработан проект нового закона о положении евреев, который оградит итальянский народ от разлагающего влияния иудаизма.

Стокгольм. — Из северных областей Швеции и Финляндии сообщают о «нашествии» воков. Так, в Лапландии волки растерзали много оленей.

Партийные Иваны - дураки

О сталинских пятилетках

Выполнение пятилетних планов индустриализации СССР в тридцатых годах отражает все мрачные особенности большевистского режима.

Теперь, когда большая часть Европейской России покрыта пеплом пожаров и руинами уничтоженных войной городов, становится окончательно ясным, что жертвы, принесенные нашим народом ради индустриализации, себя не оправдали.

Это произошло не потому, что нам не нужна развитая тяжелая промышленность. Это произошло потому, что все народное хозяйство, как и судьба самого народа, оказались в руках сталинской клики.

Сейчас не лишне оглянуться на те мрачные годы, когда партийные руководители советской жизни осуществляли свои широко задумываемые строительные планы. Какими методами рассчитывали они построить новую «социалистическую» экономику, какие требования предъявлялись ими трудовому народу?

Если мы так поставим вопрос, то убедимся, что сталинские приспешники смотрели на народ, как на рабов, обязанных жертвовать здоровьем и жизнью ради выполнения их указаний и планов. Сталиным совершенно не желали учитывать реальных возможностей страны; их нехитрый метод сводился к открытому насилию, циничному «хватанию за горло» всех тех, кто возражал против нелепого прежестерства прословутых пятилеток.

Спекулируя в годы первой пятилетки на трудовом энтузиазме части рабочих и интеллигенции, большевики сумели парализовать сопротивление более прозорливых и довели население до самого жалкого материального положения. Немало способствова-

ли этому и колхозы, подорвавшие, по крайней мере, в начале, советское хозяйство. В результате, к концу первой пятилетки в стране создалась чрезвычайно напряженная внутриполитическая обстановка.

Народные массы в первой половине тридцатых годов повсеместно кипели ненавистью к большевизму, обрекшему их на чрезвычайные лишения и каторжный труд. Большевикам пришлось бить отбой. Если в 1930 году сверху был дан лозунг «выше темпы», то уже партийная конференция, заседавшая в начале 1932 года, в два-три раза снизила планы ретивых проектировщиков второй пятилетки. Сталин, выступая на XIII партийной конференции, вынужден был признать, что «... мы бы даже хотели, мы не могли бы осудить и в период второй пятилетки, особенно в первые два-три года, политику ускоренных темпов развития».

Таким образом, Сталин косвенно признал, что сумасшедшие темпы первой пятилетки, вызвавшие жуткие страдания трудовых масс, себя не оправдали. Полагаясь на силу государственного аппарата и советской бюрократии, большевики хотели произвольно распоряжаться судьбой страны. Но реальная жизнь им жестоко за это отомстила.

Большевикам пришлось тогда пойти на известное отступление. Принято было решение, за счет частичного сокращения развития тяжелой промышленности, начать развитие легкой промышленности. Вместо лозунга первой пятилетки «о темпах», во вторую пятилетку появился лозунг — «кадры решают все». Тогда Сталин и бросил свою известную демагогическую фразу — «жить стало лучше, жить стало веселее».

Но и здесь большевики сделали все возможное, чтобы обмануть народ. Они кое в чем улучшили положение господствующего

слоя партийных и около-партийных «надсмотрщиков» и, так называемых, командиров производства, но положение массы трудящихся от этого переменилось не на много. Во вторую пятилетку, поэтому, еще ярче выступил наружу эксплуататорский характер советского строя, который Сталин в 1936 году осмелился объявить «социалистическим».

Таким образом, сталинские пятилетки представляют собою не строго продуманную систему планового ведения народного хозяйства, а выражают в области индустриализации страны прожектерский характер террористической политики большевиков. Начав с астрономических прогнозов и планов, преследуя, как «предельщиков», всех здравомыслящих инженеров и хозяйственников, сталинские бюрократы сами вынуждены были «отступить от своих первоначальных замыслов».

Об этом, обычно, забывают, когда говорят и пишут о сталинских пятилетках. Между тем, именно в скачке между темпами первой и последующей пятилетки можно уловить один из основных органических пороков советского строя, основанного на партийной диктатуре и массовом терроре. Этот порок заключается в том, что большевистские политики и горе-хозяйственники не знают удержа в своем преступном стремлении к экспериментам на живом теле народа.

Большевики вполне оправдывают послонку: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Потребовалась гибель миллионов человек, отчаяние рабочих и крестьян, волна стихийных актов саботажа, чтобы партийные Иваны-дураки сообразили отпустить вожжи и снизить темпы индустриализации.

А. Бестужев.

Чел. з час это столпотворение как-то утихает. Сквозь многочисленные дыры в стенах и в потолке видно, как пробивается в теплушку свет, как январский ветер наметает на полу узенькие полоски снега. Становится язбно при одной мысли о том, как в эти дыры будет дуть ветер на ходу поезда... Посередине теплушки стоит чугунная изъеденная печурка.

Мы стоим на путях Николаевского вокзала почти целые сутки. Ни дров, ни воды, ни еды нам не дают. От голода, холода и усталости вагон постепенно затихает...

Ночь... Лязг буферов!.. Посехали!..

Мы лежим на нарах, плотно прижавшись друг к другу. Повернуться нельзя, ибо люди на нарах уложены так же плотно, как дощечки на паркет, заснуть тоже нельзя. Я чувствую, как холод постепенно пробирается куда-то внутрь организма, как колючие ноги и застывает мозг. Юра дрожит мелкой, частой дрожью, старается удержать ее и опять начинает дрожать...

— Юрчик, замерзаете? — Нет, Ватик, ничего...

Так проходит ночь.

К полудню на какой-то станции нам дали дров — немного и сырых. Теплушка наполнилась едким дымом, тепла прибавилось мало, но стало как-то веселее. Я начинаю разглядывать своих сотоварищей по этапу...

Большинство — это крестьяне. Они одеты во что попало — как их захватили арест. С мужиком вообще стеснительно очень мало. Его арестовывают на полевых работах, сейчас же переводят в какую-нибудь уздедную тюрьму, по сравнению с которой Шпалера — это дворцы... Там, в этих уздедных тюрьмах, в одиночных камерах сидит по 10-15 человек, там, действительно, негде ни стоять, ни сесть, и люди сидят и спят по очереди. Там в день дают 200 граммов хлеба, и мужики, не имеющие возможности получить передачу (деревня—далеко, да в там не-

ним», и меня и кормили и со мной разговаривали...

И вот, сидит «святель и хранитель» великой русской земли у щели вагонной двери. Январская вьюга уже надела сквозь эту щель сугробик снега на его обутую в рваную лапоть ногу. Руки зябко запрятаны в рукава какой-то лоскутной шинелишки времен мировой войны.

И вот, едет он на какую-то очередную «великую» сталинскую стройку. Ничего строить он не может, ибо сил у него нет... В 1930-31 году такого этапного мужика на Беломорско-Балтийском канале прямо ставили на работы, и он погибал десятками тысяч, так что на «строительном фронте» вместо «полноценный» оказывались сплошные дыры. Санчасть (санитарная часть) ББК догадалась: прибывающих с этапами крестьян раньше, чем послать на обычные работы, ставили на более или менее «усиленное» питание — и тогда люди гибли от того, что отошавшие желудки не в состоянии были переваривать нормальную пищу. Сейчас их оставляют на две недели в «карантине», постепенно втягивают и в работу, и в то голодное лагерное питание, которое мужики и на воде не было доступно и которое является лукулловым пижеством с точки зрения провинциального тюремного пайка. Лагерь — все-таки хозяйственная организация, и в своем рабочем скоте он все-таки заинтересован... Но в чем заинтересован редко грамотный и еще реже трезвый деревенский комсомолец, которому на потоп и разграбление отдано все крестьянство и который и сам-то окончательно очумел от всех вихляний «генеральной линии», от дикого, кабацкого административного восторга бесчисленных провинциальных властей?

ВЕЛИКОЕ ПЛЕМЯ «УРОК»

Нас, интеллигенции, на весь вагон всего пять человек: нас трое, наш горе-романтик Степушка, попавший в один с нами грузовой, и еще какой-то ленинградский техник. Мы все приспособились вместе на средней наре. Над нами — группа итерских рабочих: их мне не видно. Другую половину вагона занимает еще десятка два рабочих; они менее голодные и менее оборваны. Все они спят.

Плотно сбитой стайей сидят у печурки уголовники. Они не то чтобы оборваны — они просто полураздеты, но их вырывает невероятная, волчья выносливость бывших беспартийников. Все они — результат жесточай-

шего естественного отбора. Все, кто не мог выдержать поездок под вагонными осями, нелегко в кучах каменного угля, пропитанного из мусорных ям (советских мусорных ям) — все они погибли. Остались только самые крепкие, по волчьим выносливые, по волчьим ненавидящие весь мир — мир, выгнавший их детьми на большие дороги голода, на волчью борьбу за жизнь...

Тепло от печки добирается, наконец, и до меня, и я начинаю дремать. Просыпаюсь от дикого крика и вижу:

Прислонившись спиной к стенке вагона, бледный, стоит наш техник и тычет к себе

какой-то мешок. За другой конец мешка уцепился один из урок — плогавый парнишка, с глазами попавшего в капкан хорька. Борис тоже держится за мешок. Схема ясна: урка спер мешок, техник отнимает, урка не отдает, в расчете на помощь «своих». Борис пытается что-то урегулировать. Он что-то говорит, но в общем гвалте и ругани ни одного слова нельзя разобрать. Мелькают кулаки, поденны, и даже ножи. Мы с Юрой пулей выкидываемся на помощь Борису.

«Я начинаю разглядывать своих сотоварищей по этапу...»

«Я начинаю разглядывать своих сотоварищей по этапу...»

Оглядываюсь. Высокий, иссиня бледный, испитый и, видимо, много и сильно на своем веку битый урка — очевидно «пахан» — коновод и вожь уголовой стай. Он продолжает, обращаясь к Борису:

«А вы чего делаете? Не вли мешок — не ваше дело. А то так и нож ночью можем всунуть... У нас, брат, ни на каких обычных ножах не отберут...»

(Продолжение следует)

ЖИЗНЬ В НОВОЙ РОССИИ

Что их радует

Результаты свободного труда на собственной земле

Деревня Ваккалово, Гатчинского района, небольшая и жители ее занимаются исключительно земледелием. Все крестьянские дворы имели посея в поле и на огородах. Урожай в этом году хороший, дает возможность крестьянам во-время рассчитаться с государством по всем видам поставок и иметь хлеб и продукты для себя.

Если сравнить крестьянскую жизнь в колхозные годы и сейчас, то разница получается очень большая. Тогда, в колхозные годы, крестьяне, не имея интереса работать на земле, уходили с насиженных мест в города, на производство. Теперь все с удовольствием занимаются сельским хозяйством. В колхозах крестьяне вынуждены были часто продавать молоко на рынке не оставляя ни капли для семьи, и промышлять на стороне, чтобы за деньги покупать хлеб для себя. К этому прибегали они потому, что в колхозах на выработанные трудодни жить было невозможно. Все шло на поставки государству, в уплату разных налогов. Теперь — совсем другое.

Развитие частной инициативы на собственной усадьбе и собственной земле за 2 года жизни без большевиков дало поразительные результаты. Для себя крестьяне работали уже не жалев рук, трудились усердно. И государство шло им навстречу. Весной в 1942 году власти помогли крестьянам семенами колосовых культур и картофеля. Нуждающимся крестьянам была оказана семенная помощь и в этом году. Кроме того, воинскими частями оказана большая помощь тягловой силой, т. к. в этой деревне лошади были угнаны большевиками при отступлении.

После долгих лет жизни в нищенских условиях, крестьянину невозможно сразу подняться до уровня зажиточной жизни, но не-

которые из них уже кое-что сделали. Почти каждый двор в деревне теперь имеет корову. У крестьянина, который не имеет коровы — есть дойные козы. Многие отремонтировали свои постройки, огородили дворы, построили служебные помещения. Отстроены 2 бани.

Разительную картину представляет сравнение прошлой и настоящей жизни крестьянина Андрея Петровича Кюре.

— Вместе с женой и сестрой мы выработали в годы колхозной жизни по 1000 трудодней, а получали за них всего 2-3 тонны картофеля и несколько килограммов колосовых. Овощи и те шли государству. И были случаи, когда для выполнения нормы государственной поставки в колхозе хватало овощей и их приходилось добывать с огородов, находящихся в личном пользовании. А в этом году я для себя сеял 108 кг. овса, 48 кг. ячменя, более 30 килограммов пшеницы, посадил 14 мешков картофеля. Урожай дает мне возможность, рассчитавшись полностью с государством, жить свободно и вывезти кое-что на рынок. Конечно, по сравнению с жизнью в советское время, мне живется уже хорошо, а будущее — с победой над большевиками, — только радует. Работать над собой, в своих интересах, и распоряжаться своим имуществом и своим трудом, — это самое главное, что радует и увлекает крестьянина.

Крестьяне сознательно относятся к соображениям о временном переселении населения некоторых районов, в связи с опасностями войны.

— Чтобы укрепить новый порядок, можно, если это требуется и касается нас же, временно и потерпеть... Это все же не колхоз...

Д. Емельянов.

ОБНОВЛЕНИЕ ЦЕРКВИ

Псков.

На днях в Пскове, при большом стечении народа состоялась торжественная церемония обновления Варлаамовской церкви на Запсковьи.

Накануне была отслужена всенощная, начавшаяся, ввиду отсутствия военного времени в 4 часа пополудни.

Торжество освящения происходило при участии всего местного духовенства. Пел хор.

По окончании богослужения настоятель церкви о. Алексей сказал прочувственную проповедь, сравнил обновление храма с обновлением человеческой души после 25 лет мрака и угнетения.

Вокруг церкви обошел крестный ход с сожженными свечами.

ДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Дно

Изгнание большевиков явилось переломным моментом в деле улучшения дорожного строительства в Дновском районе, Лен. обл. Вот уже третий год, как население нашего района под руководством военных и гражданских властей добросовестно ремонтирует и всячески благоустраивает запущенные во времена колхозов дороги.

Так, например, с мая по сентябрь этого года только одного песка было вывезено на дороги 567 куб. м. Кроме того, вывезено 210 куб. м. булыжного камня. Ямочно-колейного ремонта за этот срок произведено 48065 погонных метров. Новых дорог построено 6000 погонных метров. 2115 кв. м. замощено мостовой дорожки, отремонтировано 58 мостов и 59 — выстроено новых. Планировка полотна дороги произведена в количестве 6280 кв. м. вырыто и прочищено свыше сорока тысяч погонных метров канав.

ПОМОЩЬ НЕИМУЩИМ

Опочка.

В декабре прошлого года в Опочке организовано общество для оказания помощи беднякам и всем пострадавшим от войны под председательством городского головы Захарова. Его активные помощники — работники управы Протас, Осмоловский и Родивев. Сейчас общество насчитывает 277 членов, преимущественно из рабочих и служащих.

За это время собрано 5.900 рублей членских взносов, а различные пожертвования дали больше восьми тысяч рублей. Летом была проведена вещевая лотерея, с выручки в 26 тысяч рублей. Кроме этого, обществом открыты парикмахерская и ларек, давшие с мая месяца общей прибыли свыше 30 тысяч рублей.

Обществом выдано за все время 100 пособий на сумму 15 тысяч рублей, 15 человек получили ссуды на общую сумму 5.500 рублей. На свои средства общество содержит штат работников Стрелицкого пункта и фельдшера инвалидного дома.

Весной был закуплен семенной картофеля на пять тысяч рублей и роздан беженцам для посева. Особно с именованного огородного участка собрано 96 пудов картофеля, который также роздан нуждающимся горожанам.

ЖИЗНЬ В БЕЛОРУССИИ

Добромисль.

Силами местного населения в Добромисле недавно была организована лотерея в пользу Красного Креста, которая дала 30.000 рублей чистого дохода.

Тогда здесь состоялось торжественное открытие отдела Союза Белорусской Молодежи. За сравнительно короткое время этот отдел уже успел объединить в свои ряды 74 юношей и 65 девушек.

Дальше от опасностей войны!

Организация помощи гражданскому населению

Мирное население в освобожденных от большевизма областях за два года смогло воочию убедиться в благожелательном к нему отношении германских властей. Передача земли в собственность, предоставление тягловой силы, всемерная помощь сельскому хозяйству — все это быстро сказалося на росте благосостояния русского крестьянина.

Это же благожелательное отношение ставит германское командование планомерно ограждать трудовое население от опасностей войны. Но не только от этого необходимо спасать мирное население, но также и от бандитских действий, которые проявляются в некоторых районах освобожденных областей.

Германское командование раз и навсегда решило покончить с разбойничьими «партизанскими» шайками, беспощадно грабятими и уничтожающими крестьянское хозяйство. Вот почему сейчас германским командованием предложено мирному населению покинуть те области, где происходит беспощадная борьба с бандитами. В этой борьбе вполне естественно могут по-

страдать и те, кто никакого отношения к бандитам не имеет, поэтому таким людям предложено временно покинуть те места, где им грозит опасность.

Во время боевых действий против бандитов опасности могут быть подвержены каждая деревня, каждый дом, каждая семья. И, вот, чтобы извинить население от ненужной опасности и предпринимается планомерное переселение всех, кто пожелает этим воспользоваться. Те же, кто не использует этой возможности временного переселения, и тем подвергнут прямой опасности себя и своих родных, должны будут пенять на себя.

Командование германской армией всеми силами стремится отвести от мирного населения ужасы и тяготы войны. Вот почему создана особая организация помощи гражданскому населению.

Эта организация выполняет свои задачи по следующей программе:

1) Каждое гражданское лицо имеет право переехать в неугрожаемые в военном отношении районы.

„Партизаны“

Беседа с вернувшимся

Он сидит напротив меня, курит папироску и неторопливо рассказывает о своих приключениях:

— Нас было трое: я и еще двое с завода «Металлист». Все молодые, здоровые ребята, решившие испытать счастье «у своих». Подговорил нас на побег сосед моего приятеля, как мы потом узнали, тайный агент одного бандитского отряда. Этот человек утверждал, что все газетные сообщения о партизанах и положении в СССР не соответствуют истине, что, в действительности, дело обстоит лучше. Кроме того, он без конца твердил нам, что советская власть уже не такая, какой она была до войны, и что Сталин резко изменил свою политику по отношению к рабочим, крестьянам и интеллигенции.

Словом, много было сказано этим человеком и если мы и не все верили, то кое-чему все же склонны были поверить. В подтверждение своих слов Никита Иванович (так звали его) показывал нам много листовок и советских газет, в которых жизнь в Советском Союзе рисовалась в привлекательном виде. День за днем продолжались наши совместные беседы, пока, наконец, мы не были подготовлены к побегу. Помог еще один случай. Мой приятель Сережа Курочкин нагнул своему начальнику — немцу. Нагнул беспощадно и без повода со стороны начальника и, кроме того, совершил трехдневный прогул. После этого он, вообще, не пожелал являться на завод. Этот случай ускорила наше решение; ночью мы собрались и пошли.

Как мы были обмануты!...

Как мы раскисаемся!...

Стояла тихая, теплая погода. Было сравнительно светло. Выбравшись из города, мы по проселочной дороге прошли километра тридцать и уже под утро, свернув на тропинку, вошли в район, где должны были встретить нас из отряда «партизан». Встреча состоялась часов в десять утра. Нас окликнули из леса, мы остановились. Из кустарника вышли два вооруженных человека в коротких стеганых фуфайках, перетянутых куском веревки. Изорванные до невозможности брюки у одного, испотанные ботинки у другого произвели на нас неприятное впечатление. Мы смотрели на них, как на выходцев с того света, а они, с винтовками наперевес, приближались к нам.

— Руки вверх! — вдруг, ни с того ни с сего, заорал тот, на котором были рваные брюки и, вскинув винтовку, прицелился в меня, мы подняли руки.

— Оружие есть? — крикнул второй и принялся шарить у нас по карманам.

Оружия у нас не было, зато были бумажники с документами, немного денег, у одного часы и у всех хлеб, масло и еще кое-

что. Все это было моментально отнято и расставлено по карманам рваных брюк и фуфаяк.

Обыскав нас, «партизаны» отошли в сторону, перекинувшись двумя-тремя словами, после чего приказали:

— Скидывай пальто и костюмы!

— Зачем это? — испугались мы.

— Не разговаривай! Приказано, значит, выполняй, а то у нас быстро!

По виду бандитов мы видели, что у них действительно много не прыдет, поэтому торопливо сняли с себя пальто и костюмы, оставив в нижнем белье.

Что, холодно? — усмехнулся один из бандитов. — Ничего! Сейчас обогреем.

Прислонив винтовку к дереву, он поспешно разулся, снял брюки и выбрал лучшую пару штанов, напялил их на себя.

— На, получай! — крикнул он, бросив нам рваные брюки; — а ну, живо, а то и эти не получишь.

Когда все мы были кое-как одеты, нас повели в чащу леса, где через некоторое время мы увидели низкие землянки и несколько оборванных людей, суевившихся у них. Нас сдвинули к одному из землянок, который, посадив нас под деревом, приказал сидеть тихо и не пытаться бежать.

Суровая жизнь эта заключалась в том, что мы должны были опасаться всякого шума, ловить и приводить в лагерь всех случайно попавших в лес и изредка делать набег на деревни, угонять оттуда скот, а иногда и людей. Такие же набегу делались и на дороги, по которым проезжали в город крестьяне ближних деревень. Словом, быть «партизаном», значило быть бандитом.

Что было делать? Своим побегом, как нам казалось, мы отрезали путь к возвращению, а поэтому, хотя и с горечью в душе, мы выполняли то, что нам приказывали.

До нас дошло известие, что из одной прифронтовой деревни жители собираются переехать в безопасное место. Это должно было произойти через несколько дней, ну и наш отряд решил это мероприятие сорвать.

Ночью, когда деревня спала, партизаны ворвались в нее, забрали старосту и еще несколько человек, после чего подожгли дома. В деревне поднялась такая суматоха, что трудно передать. Со всех сторон слышались крики, плач детей и женщин, выстрелы «партизан» и дым и треск распространяющегося пожара. Рассеявшиеся крестьяне бросались с колыма на убегающих бандитов, а те, озаверев, стреляли из автоматов, бросали гранаты, уничтожая ни в чем неповинных людей.

Это было выше наших сил. Мы не выдержали. Все иллюзии улетучились, выступила голая действительность — страшная,

2) Для добровольно переселяющихся предоставляются особые поезда. В пути переселяющиеся обеспечиваются продовольствием и необходимой работой.

3) Добровольно переселяющиеся имеют право, по мере возможности, брать с собой скот, съестные припасы и домашнюю утварь.

4) Совместно едущие члены семейств не различаются. Между переселяющимися будет налажена почтовая связь.

5) В местах прибытия для переселяющихся будут предоставлены квартиры, продовольствие и возможность работы.

Покинуть насиженные места, конечно, не легко, но война требует жертв и, несомненно, лучше на время переселиться, а по окончании войны вернуться назад целым и невредимым, чем потерять все, в том числе, очень может быть и самую жизнь.

Население освобожденных областей познало жизнь без колхозов, без большевизма, без террора и всех тех прелестей, которые называются «советским раем». Только победа над большевизмом может принести всему русскому народу и закрепить зажиточную и светлую жизнь, — вот почему всякое содействие в деле победы над большевизмом так необходимо и приближает нас к строительству Новой России.

М. Шелонин.

Фронтной театр

Беседа с художественным руководителем труппы «Свежий ветерок»

Передвижной фронтной театр «Свежий ветерок» организован в октябре 1942 года. За год своей работы «Свежий ветерок» совершил четыре гастроли. Он побывал в Островеком, Псковском, Гатчинском, Лужском и других северных районах, дав, в общей сложности, около 200 спектаклей, на которых присутствовало до 70-ти тысяч зрителей.

Сто спектаклей театром было дано на линии фронта. Часто приходилось выступать прямо под открытым небом, где сценической службой небольшая земляная площадка; выступали в бункерах и в избах. Всюду театр имел успех, особенно, у крестьянского населения, которое оказывало артистам самый сердечный прием.

В настоящее время труппа состоит из 9 человек. В репертуаре театра: музыкальные водевиль при художественном руководстве В. Печорина, русские народные песни, классической балет и русские национальные танцы.

жесткая. Мы решили вернуться. Пусть будет, что будет. Мы не могли больше участвовать в истреблении невинных людей. Пусть нас накажут, пусть сделают с нами, что хотят, но оставлять больше в разбойничьем отряде мы не могли.

По дороге нас обстреляла патруль (их много в лесах, так как бандиты боятся облавы). Одно из нас ранили в ногу — он остался. Мы не могли его спасти...

Молодой человек, положив в пепельницу недокуренную папироску, задумчиво постукал по столу пальцем и закончил:

— И вот мы теперь снова у немцев. Пришли, рассказали все как было, и вновь живем в безопасности.

Сказав на прощание несколько теплых слов, я проводил молодого человека до дверей.

Господи, как много людей попадает на удочку обманщиков и как трудно потом бывает этим обманутым вернуться снова к честной жизни. Как много вреда приносит человеку его доверчивость... Вот этой-то доверчивостью и пользуются большевики и их пособники. Но долго ли? Даст Бог, их подлость поймут все, как понял этот молодой человек, и тогда уж никакие сказки и листовки не помогут большевикам скрыть от честных людей свое лицо.

Б. Блюм.

Личность и коллектив

Свобода и Добро — основа жизни

«Извольте смеяться; я все насмешки приду и все-таки не скажу, что я счастлив, когда я есть хочу, все-таки знаю, что я не успеваю на компромиссе, на бесперывном периодическом нуле, потому только, что он существует по законам природы и существует действительно. Я не приду за венец желаний моих — капитальный дом, с квартирами для бедных жильцов по контракту на тысячу лет... Уничтожьте мои желания, сотрите мои идеалы, покажите мне что-нибудь лучшее, и я за вами пойду. Вы, пожалуй, скажете, что не стоит и связываться; но в таком случае ведь и я вам могу тем же ответить... А покамест я еще живу и желаю, — да отсохни у меня рука, козь я хоть один кирпичик на такой капитальный дом принесу».

Так писал Достоевский в 1864 году в реальных «Записках из подполья».

Свобода личности и социализм в его коммунистическом истолковании — вот одна из основных проблем этого произведения, — это есть «Хрустальное здание» всеобщей справедливости и пользы, «навеки нерушимое», которому нельзя будет ни языка украдкой выставлять, ни кукиши в кармане показывать. Ибо можно ли показывать кукиши тому, что является всеобщей, в том числе и моей, пользой?

И коммунисты предлагают организовать всеобщий, всенародный муравейник коллективного хозяйствования, коллективной работы.

— Хозяйство, — кричат они, — как хорошо устроен муравейник. Какая предусмотрительность, забота об общем благе, отсутствие эгоизма и собственности. Какая целеустремленность муравейного строя.

А человек?... Ему мало капитальных домов колхозов и совхозов, общественных фабрик и бюро, мало благоустроенного общественного муравейника. Ему подавай лучше загаженный курятник, но свой, свой собственный, личный... Ну, и неблагоприятное же животное человек. И неразумное, неблагоприятное. С расчетами в руках ему, как 2X2=4, доказывающий все выгоды коллективного хозяйствования и труда, а он говорит, что формула 2X2=4 есть уже не жизнь, а начало смерти. Ибо если мне докажут математически мою пользу, то мне

и хотеть этой пользы не захочется, как насильственной...

Однако, материализм и коммунизм говорят, что и хотеть то, собственно, нет никакого; что, так называемая, свобода воли человеческой — это мираж, а человек всегда желает себе только полезного. Докажи ему математически его пользу — весь мир перестроится уже на научных, разумных началах... Но так ли это?

К «сожалению», у человека есть тяжелая болезнь — сознание. «Слишком сознать — это болезнь, настоящая, полная болезнь...» Я крепко убежден, что не только очень много сознания, но даже и всякое сознание — болезнь... «Отчего это так бывает, что рассуждает человек здраво, чувствует прекрасно и высоко, и именно в это самое время вдруг выкинет совсем не лоповое колечко, пакость какую-либо — завеломо себе во вред... А потом замечал вы, господа, что именно сознательные, много размышляющие люди часто бездеятельны? А уж, казалось бы, сознают, понимают и свою, и общую пользу?»

Да, — и сознающий, усидливо сознающий человек невольно задает себе вопрос: ну, хорошо. Я буду работать во имя пользы моих детей. Послужу им мостком в счастливое будущее. А сам умру. Но и дети мои умрут, — и лишь явятся мостками для грядущих поколений, и так далее, и так далее в бесконечность. Так, ведь, это бессмысленно для атеиста и Бога, то не только мораль, но и всякая деятельность бессмысленна. И об этом говорит Иван Карамизов, об этом свидетельствуют Кюриоллов в «Бесах» и многие другие герои Достоевского. Выходит, что за всеми хлопотами, заботами и творческими усилиями стоит ничто, уничтожение, неизбежная смерть. Сплошной периодический нуль...

Дело в том, что устройство общества и морали без высшей санкции Верховного Добра и бессмертия — бессмысленно.

Для коммуниста и материалиста все должно разрешаться «пользой», а сознание —

это только функции центральной нервной системы, т. е. какая-то пляска атомов под электроном... А, уж, раз сказано «материализм», «естественнознание», «наука», то это каменная стена, дальше идти некуда. Тут 2X2=4. Против рожна не поперешь...

Но, ведь, прут же! Прут и в быту, и в общественной жизни, и в политике. Ведь знает, например, человек, что стонами не поможешь зубной боли, а стонет злорадно, с хидством стонет, с ругательствами и завываниями. Это пример, так сказать, бытовая. А сколько таких примеров в жизни политической?

— Доказано тебе, гад, что колхозы выгоднее, что совместная обработка земли, рентабельнее, что так по науке положено, а ты все рыпашься!...

И следуют выводы, что неблагоприятен, ох, как неблагоприятен человек! Никан не хочет общего хрустального здания коммунизма, научно обоснованного и доказанного, а предпочитает свой курятник, хотя бы вза то, что он его может по своей глупой свободной воле к чорту, противу всякой своей собственной выгоды, послать!

Да, свобода выбора, свобода инициативы, творческая свобода. И только она творит нацию, государство, культуру.

Во имя какой выгоды жертвовали собою за веру, за народ, за идею? Во имя какой выгоды и удовольствия жертвовали собою за детей и братьев, жен и отцов?

Это, скажут, инстинкт. Но, ведь, это нелепо, ничего не говорящее слово. Слава? Но что мне в ней, если я умру?...

Нет, лишь высшая, над всякой пользой и формулой стоящая идея Верховного Добра и Вселенной Жизни, Свободы и Истины может быть положена в основу построения живого и обновленного общественного организма. Именно организм, а не механического колготера «производительных сил и материально-технических средств хозяйствования».

Всякий материалистический подход «всеобщей пользы, сытости и равенства неизбежно приводил к насилью (ибо надо же заставить человека принять 2X2=4, его пользу, если он добром этого не хочет) и обратным, противоположным результатом: всеобщему рабству и голоду.

Уж, чего, казалось бы, ненаучнее, нелепее, идея родины! Где пролетарно лучше живется, там и его родина... Не так ли?

Не говорилось ли это во всех учебниках марксизма? И что же? Не может жить человек без родины, как не может жить без воздуха и хлеба!...

Не польза и не выгода, а другое живет в душе и духе человеческом.

Даже космополитические проходницы

бросали сейчас брошюры Маркса и лозунги «научного» коммунизма и грязными лапами тянутся к чуждым им идеям Бога, свободы, инициативы и родины. Но не спускают их эти идеи! Поздно хвататься, «товарищи! Никого не обманете!»

Борис Филистинский.

Прыгай смелее!

Стихотворение в прозе

Эх, канавка ты, канавка,
Ты канавушка моя!
По тебе, моя канавка,
Едет миная на коне...
Народная песня.

Давно это было. Так давно, что уже не припомнить ни времени, ни места, ни имен. Нас было много — Колей, Ваней, Петей, шагающих по миру веселой, шумливой гурьбой. С бесстрашней дикарей мы лезли в жизнь и гибли один за другим, как бабочки, понашив на огонь. Немного уж осталось нас, но новые Пети и Вани лезут и пробраются за нами сквозь жизненные бурьяны, заравня в кровь лицо и руки. Пусть лезут, — они не могут не лезть.

Помнится, мы как то зашли в лес. Кучка детей от 8 до 12 лет, первый раз далеко отходящих от дома. Мы устали и измучились. Гигантские сосны скрывали от нас небо, сырой мрак леденял тело и заставлял тревожно биться наши маленькие сердца.

И вдруг где-то в прояснении между деревьями — блеснула голубой кусочек. Оушка! Мы бросились вперед, обгоняя и подбадривая друг друга.

Это было не опухля, а конец леса. Перед нами, насколько хватал глаз, расстилась ровное ржаное поле. Пыльные васильки прятались среди колосьев. Пестрые бабочки кумарикались в воздухе. И главное — солнце, солнце, солнце!

Страх, как не бывало! Мы были спасены! Но... между нами и полем оказалась глубокая, заросшая крапивой и колочками канавка. Она шла, оглябая лес, и нам нельзя было ее обойти.

Мы не стали раздумывать: — Раз, два... Гоп!

хватило решимости разбежаться и прыгнуть. Жгучая крапива пугала их робкие сердца. Мы бежали по канаве и старались их подбодрить, насколько хватало у нас голоса:

— Прыгайте за нами! Не ходите назад! Ну, смелее — раз, два!...

Прошло много, много времени. Мы опять, как в те дни, стоим перед канавой — один по эту сторону, другие — по другую. Теперь мы уже большие, сильные, все испытавшие люди. Но и канавка уже не та, заросшая крапивой, а глубокая, бездонная пропасть. Если в нее упадешь — разобьешься на смерть. Но прыгать надо.

Мы — те, которые уже спасены. Там, за пропастью, остался лес — дремучий, сырой, леденящий душу и кровь. В этом лесу — миллионы костей заблудившихся, не нашедших выхода. По ту сторону пропасти много наших друзей, товарищей, у кого нехватает решимости разбежаться и прыгнуть. Еще больше их в лесу — ищущих и не находящихся дорог.

Страшна для робкого сердца пропасть. Там гнездится все, что удерживает и не пускает людей к свету, солнцу: сила привычки, страха, дикой безотчетный страх; как встретит их там, по ту сторону рва? Простят ли прошлое? Не будут ли мстить? Не распяты ли за все прегрешения — вольные и невольные, за то, что заблудились, за то, что зашли в лес?

Мы протягиваем им руку помощи, но нашим рукам не дотянуться до них, стоящих по ту сторону пропасти. Но мы стоим перед ними на виду и, насколько хватает у нас голоса, кричим:

— Идите к нам! Прыгайте смелее! Раз-два! Назад дороги нет!

С. Климушин.

От Острова — до Вены

Как живут наши соотечественники в Германии

Город Остров

Мы смогли побывать, по своему выбору, в нескольких лагерях русских рабочих и то, что мы там видели произвело хорошее впечатление. Мы встречали пленных на местах работ, разговаривали с ними. Все они имели здоровый вид и никто из них ни на что не жаловался. Курицы обеспечены табаком. В имении профессора Мюнье, где работают свыше 20 человек русских военнопленных, у них имеется своя табачная плантация. На производстве и в сельском хозяйстве никакого вооруженного надзора за пленными нет. Все они регулярно читают русские газеты.

В городах много русских рабочих. Мы побывали в их жилых бараках в Кенигсберге и Потсдаме. Помещения чистые, светлые, большие, выбеленные изнутри. За чистотой следят специальные дежурные. Кровати деревянные, односпальные. Везде выдается постельное белье и одежда. Работавшие в промышленности получают спецодежду. Администрация предприятий внимательно следит за тем, чтобы одежда не изнашивалась и заменялась новой. Мы сами были свидетелями, когда один молодой украинец получил выговор за явку на работу в рваных башмаках. Выговор был заслужен, так как он сам заявил, что имеет дома две пары лишней обуви. Помимо рабочих костюмов, все трудящиеся получают еще и выходные.

На одном из заводов с большим числом украинских работников дирекция завода организовала для них специальную кухню для изготовления привычной им пищи. На этом же предприятии мы осмотрели амбулаторию, врачебные кабинеты и небольшой стационар на 15—20 коек, оборудованные специально для иностранных рабочих, конечно, и для русских. Повсюду чистота и порядок. Из разговора с дежурным врачом мы узна-

ли, что процент заболеваемости среди русских рабочих очень низкий, а главное, наши соотечественники совершенно не симулируют болезней, чего нельзя сказать о представителях некоторых других национальностей.

Очень интересно было встретиться в городе Инсбруке с двумя русскими девушками, работавшими в одной из гостиниц. Обе были хорошо одеты. Из разговора с ними выяснилось, что одна из них поступает в немецкий университет на литературный факультет. В том же городе в воскресный день по улицам гуляли очень многие русские юноши и девушки, хорошо, празднично одетые.

В заключение должен упомянуть о том, как повсюду в Германии мы проникали в места нас наиболее интересовавшие. К нашим просьбам относились более, чем предупредительно, несмотря на связанные с этим хлопотами. Часто, проходя мимо школы, дома, музея, мы просили разрешения осмотреть их и немедленно получали эту возможность. На все вопросы давались ясные ответы. О чем либо познать не могло быть и речи. То, что мы видели — была ничем не приукрашенная жизнь.

Такого рода ознакомление со страной является наиболее правильным и убедительным. Если бы иностранцы до войны смогли бы также свободно изучить положение населения в Советском Союзе — безусловно сейчас большевик уже не существовал бы. С другой стороны представление о Германии у среднего советского обывателя безусловно совершенно искаженное. Это страна большой культуры и огромной техники, населенная народом, у которого можно многому научиться.

В. Сыровой

Вена

Автор статьи, журналист из города Острова участвовал в поездке по Германии с представителями русской печати освобожденных северных областей.

Нас было тринадцать журналистов и корреспондентов русской печати северных освобожденных областей России. Нам была предоставлена возможность совершить поездку по Германии. Провожая нас в поездку, немецкие коллеги выразили пожелание, нам беспрепятственно осмотреть за границей все, что может интересовать нас и наших читателей. Должен заметить, что пользуясь правами журналистов мы, действительно, увидели все, что нас особенно интересовало.

Маршрут путешествия был: Кенигсберг — Берлин — Эрфурт — Мюнхен — Инсбрук и Вена. Первое, что обратило на себя наше внимание — это было прекрасное состояние германских железных дорог. Поезда там идут в среднем со скоростью 70—80 км. в час, часто доходя до 100 и свыше, что мы проверили с секундомером в руках. Кроме того, большая часть железных дорог Германии электрифицирована, так что путь от Берлина до Мюнхена и дальше, до Вены, был совершен нами на электропоезде. Несмотря на большое количество пассажиров, ни спешки, ни суеты, ни давки на вокзалах и в поездах мы не наблюдали. На одном из берлинских вокзалов мы ради любопытства пробыли около получаса. За это время вокзал пропустил 14 поездов. По приблизительному подсчету такой вокзал пропускает в сутки несколько сот поездов. Транспорт в Германии работает, как идеально выверенный часовой механизм. По отправке поездов вполне точно можно проверить свои часы.

Здесь нет ненужных ударничества, соревнования или стахановщины. Каждый немец честно, по мере своих сил и способностей, выполняет свои обязанности. Относясь разумно к труду, он не гонится за «перекрытым норм», но и не отстает от них. Он вырабатывает ровно 100%.

Уже в Прибалтике, через которую мы проезжали, крестьяне живут несравненно богаче наших. Повсюду проведена хуторная система. Большевицкая власть за один год безхозяйственности не смогла разорить местное крепкое крестьянство. Но особенно резкий контраст виден на территории Восточной Пруссии. Крестьянские дома здесь построены исключительно из кирпича или камня, крыши выложены шифером и черепицей, что придает им аккуратный и живописный вид. При домах небольшие огороды, цветники, фруктовые деревья. Неподалеку пашни и выгоны для скота. Во время нашей поездки урожай с полей был уже собран, посев озимых закончен. Видно, что крестьяне с любовью относятся к собственной земле, вкладывают в обработку ее много энергии и труда, за что она и благодарит их обильным урожаем. Мы видели поля, засеянные еще не вззошедшей озимой рожью. Перед нашим взором расстилался пушистый ковер земляного покрова. Именно «пушистый ковер», потому что земля действительно была настолько хорошо обработана, что создавалось полное впечатление ковра.

На выгонах поражает масса скота; повсюду видны стада коров в 25 голов и свыше. Интересно отметить, что по всей северной Германии распространена одна определенная порода коров — бело-черная, пятнистая. В южной Германии — бурая.

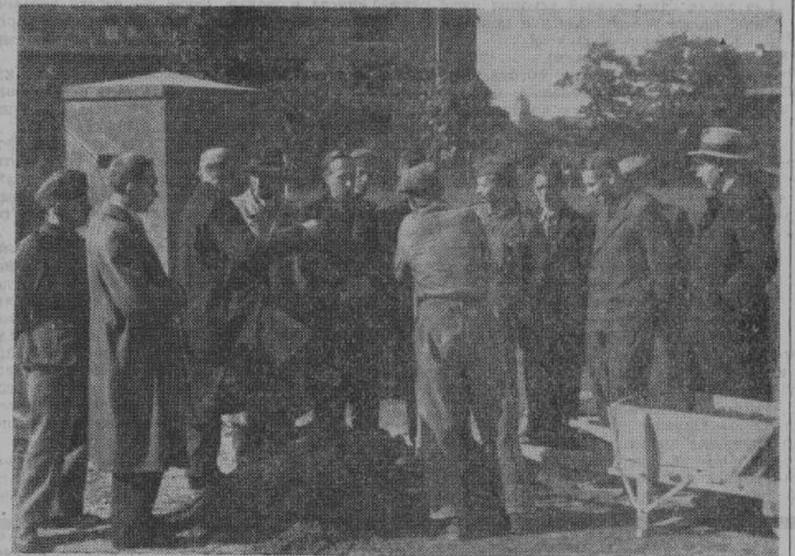
В 23 км. от города Эрфурта мы посетили деревню Нотлебен. В ней 150 дворов и 550 жителей. Деревня по внешнему виду ничем не уступает нашему небольшому провинциальному городу. По улицам проложены тротуары, повсюду электричество, водопровод. (Электрическое освещение в Германии повсеместно). В деревне много двухэтажных домов и не видно ни одного покосившегося, требующего ремонта. У крестьян имеются радиоприемники. Остатки без присмотра ребят крестьяне

Потсдам. Мельница в Сан-Суси, парке Фридриха Великого

отводят в детский сад, где дети получают хорошее питание и пользуются соответствующим уходом, пока родители заняты на полях.

Мы обшарили несколько домов. У одного из крестьян, владельца 17 га земли, три лошади, восемь коров, два быка, семь свиней, двенадцать поросят, четырнадцать кроликов, четыре утки, куры. Имеется собственный автомобиль, на котором даже сейчас ездит, в случае надобности, едет в город. Хозяйственные постройки состоят из двухэтажного жилого дома, двух хлевов, двух больших сараев. Повсюду электричество и водопровод. В семье только двое взрослых — дети погибли в прошлую войну. В хозяйстве заняты еще трое человек рабочих, среди них русская девушка. Жилое помещение состоит из спальни, рабочего кабинета, столовой и еще двух комнат. Повсюду хорошая обстановка, радиоприемник и телефон. Доход с этого хозяйства — 80.000 марок в год. Одно из посещенных хозяйств принадлежит слесарю, работающему в городе. У него полгектара земли, занятая под огород, небольшой цветник и фруктовые деревья. Шесть лет тому назад слесарь получил в этой деревне небольшой надел земли, на котором построил двухэтажный дом из восьми комнат. Коровы у него нет, но две дойных козы и несколько маленьких козлят. Комнатки в доме чистые, с теми же

Разговор с военнопленным на заводе. После работы ему разрешается свободное хождение по городу

удобствами, что и у всех крестьян. На дворе много домашней птицы.

Мы просили сопровождавшего нас волонтера старшину показать самое бедное хозяйство в деревне. На это он нам ответил, что у них бедных крестьян нет и если он поведет нас к менее зажиточному крестьянину и рекомендует, как бедного, то рискует от него получить взбучку. У немцев под словом «бедный» крестьяне подразумевают лентяев.

Внешность сельских жителей не дает возможности различить работника от рабочего. В свободное время все они одеты в хорошие костюмы городского типа. В рабочее время франтовства нет, но вид чистый, разглаженный. Мужчины все без исключения чисто выбриты. О паразитах там не имеют понятия.

Города Германии, прежде всего, поражают чистотой улиц и наличием массы зелени и цветов. Растения повсюду — во дворах, в окнах, в подсадиках перед домом. Эрфурт не зря называется городом «цветов». На улицах нет пыли. Объясняется это сплошной асфальтировкой улиц и кропотливым уходом за насаждениями самих горожан. Обилие зелени украшает дома и придает своеобразный красивый облик городу.

Заслуживает почетного внимания работа немцев о памятниках старины. Во многих местах мы видели постройки трех и четырехсотлетней давности. Все они поддерживаются в хорошем состоянии. К прошлому своему народу немцы относятся с любовью и уважением. Мы видели в городах Германии массу различных памятников, связанных с историческим прошлым немецкого народа. Все они целы, за ними внимательно следят и около многих из них лежат свежие цветы. В эти минуты русскому сердцу становится больно за разрушенные большевиками наши памятники, затоптанные в грязь имена Петра Великого, Суворова, Александра Невского, чья память сейчас судорожно восстанавливается погибавшими строем.

«Главный после Пушкина поэт задуманного чувства» — так охарактеризовал Якова Петровича Полонского (1819—1898) Владимир Соловьев. А за пятьдесят лет до этого Г. П. Данилевский писал поэту: «Ваш стих... начинается там, где Пушкин поставил свою последнюю букву.»

Задуманная простота провинциальной горничной: чистота цельного, нетронутого восприятия природы; романская наивность интонаций; камерность поэтического языка — все это, высоко оцененное уже Фетом, Вл. Соловьевым, А. Блоком и символистами, — сделало музу Полонского посмещением для его современников, увлеченных лишь высокой социально-философской пробле-

мой. Да, в противовес Чернышевским и Марксам, утверждавшим, что человеческая личность лишь «совокупность общественно-производственных отношений своей эпохи», Полонский поэтически восстановил в ее исконных правах — эту личность, ядровую человеческую личность во всем ее неисчерпаемом многообразии, в ее глубине и неповторимости.

Погружай меня в сон, колокольчик звон!
Выноси меня, тройка усталых коней!
И тогда, как во сне, мелькает задуманная, запазушная действительность каждому близкая и родная.

Жизнь представляется поэту «суровой глубиной с поверхностью, которая светла». И личная жизнь Полонского была крайне тяжелой. Вечная погоня за куском хлеба, преследование со стороны «прогрессивистов», в частности, Некрасова. Противопоставляя свою безнадежность и заботы всеобщему признанию и миллионам «народолюбца» Некрасова, — Полонский писал: «Я — зависимый от жалованья, без славы и поколений, без всякой нравственной поддержки и, стало быть, без той самоуверенности, которую дают они» — «Да тяжела была для нас (поэта и его Музы) нам жизнью данная задача!» Тургенев утешал поэта: «Потерпи, что делать! Терпел больше!» И поэт не роптал. Только тонкой грустью проникнуто его предисловие к сборнику стихов «Снопы» (1871): «Невелика моя нива, невелика моя жатва; но дозрела она или не дозрела, ранние холода и туманы выуждают меня собирать ее... Не знаю, была ли жатва моя богаче и роскошнее, если-б ради барской или наезднической потехи не старались всячески злодеи и попереки топтать ее. Вижу опустошительные следы этих наездлов — и все-таки вижу снопы — и все-таки надеюсь: авось, когда-нибудь, мужественная трудолюбивая картина выветрит из этих снопов лепым своим хоть одну горсть пригодных зерен... Пусть жизнь суро-

вой, раздумий, богоборчества, социальной проблематики, «мировой скорби»!.. Провинциал, так и оставшийся им в душе на всю жизнь, несмотря на многолетнюю жизнь в столицах и за границей; скромный чиновник, затем губернатор, еще позднее вечнобедствующий литератор-профессионал, — он «в темном уголке сидел не на примете» и не совался в блестящие ряды соловьев русской поэзии. Он — «кузнецик-музыкант», — с его незатейливой, но волнующей своею непосредственностью и теплотой песенкой. «Доброты он бесконечной и умел, но странен. И странность его заключается в том, что простых вещей он иногда совсем не понимает или понимает как-то мудрено», — пишет о нем Е. А. Штакеншнейдер. Поэт действительно не упрощал простой действительности неумудрой интимной жизни, а глубоко и не по обывательски понимал и воспевал ее. Ведь глубина бытия и премудрость Божия сквозит в мельчайшей пылинке мира, а не только в грандиозных конструкциях мироздания или тягостных перипетиях человеческой истории, и как понимал поэта высочайший гений России Ф. М. Достоевский! Помните, в «Униженных и оскорбленных»:

«Улеглася метелица; путь озарен,
Ночь глядит миллионам тусклым очей...
И потом:
То вдруг слышится мне — страстный
Голос поэта,
С колокольчиком дружно звеня;

Песенки Сверчка-Музыканта

45-летие со дня смерти поэта Я. Полонского

«Ах, когда-то, когда-то мой милый придет, —
Отдохнуть на груди у меня!
У меня ли не жизнь!... чуть заря на стекле
Начинает лучами с морозом играть,
Самовар мой кипит на дубовом столе,
И трещит моя печь, озаряя в угле,
За цветной занавеской кровати...
— Как это хорошо! Какие это мучительные стихи... и какая фантастическая, разрывающая картина! Кавва одна и только намечает узор — вышивая, что хочешь! Два ощущения: прежнее и последнее. Этот самовар, этот стальной занавес, — так это все родное... Сильное нежности, неги в этом стихе и мучений от воспоминаний, да еще мучений, которые сам вызвал, да и любил, ешь ими... Господи, как это хорошо! Как это бывает!»

Да, в противовес Чернышевским и Марксам, утверждавшим, что человеческая личность лишь «совокупность общественно-производственных отношений своей эпохи», Полонский поэтически восстановил в ее исконных правах — эту личность, ядровую человеческую личность во всем ее неисчерпаемом многообразии, в ее глубине и неповторимости.

Погружай меня в сон, колокольчик звон!
Выноси меня, тройка усталых коней!
И тогда, как во сне, мелькает задуманная, запазушная действительность каждому близкая и родная.

Жизнь представляется поэту «суровой глубиной с поверхностью, которая светла». И личная жизнь Полонского была крайне тяжелой. Вечная погоня за куском хлеба, преследование со стороны «прогрессивистов», в частности, Некрасова. Противопоставляя свою безнадежность и заботы всеобщему признанию и миллионам «народолюбца» Некрасова, — Полонский писал: «Я — зависимый от жалованья, без славы и поколений, без всякой нравственной поддержки и, стало быть, без той самоуверенности, которую дают они» — «Да тяжела была для нас (поэта и его Музы) нам жизнью данная задача!» Тургенев утешал поэта: «Потерпи, что делать! Терпел больше!» И поэт не роптал. Только тонкой грустью проникнуто его предисловие к сборнику стихов «Снопы» (1871): «Невелика моя нива, невелика моя жатва; но дозрела она или не дозрела, ранние холода и туманы выуждают меня собирать ее... Не знаю, была ли жатва моя богаче и роскошнее, если-б ради барской или наезднической потехи не старались всячески злодеи и попереки топтать ее. Вижу опустошительные следы этих наездлов — и все-таки вижу снопы — и все-таки надеюсь: авось, когда-нибудь, мужественная трудолюбивая картина выветрит из этих снопов лепым своим хоть одну горсть пригодных зерен... Пусть жизнь суро-

ва и тяжела; пусть жизненная «ночь холодная мутно глядит под рогожку кибитки моей» — но

Мне мерещатся странные сны,
Мне все чудится: будто скамейка стоит,
На скамейке старуха сидит,
До полуночи пряжу прядет.
Мне любимые сказки мои говорит,
Кольбельные песни поет...

И поэт глубоко верит, что в сказках — истина, что «там журчит ключ живой и ключ мертвой воды» — воистину, — и что «под грубою корою вещества», тягостной и суровой, — таится песенная радость всецелой божественной полноты бытия. Нужно только не расплескать по-пусту эту радость и помнить, что «про черный день мы песню бережем». Иначе — безысходность: песню бережем!

Ну-ну, живей! Долга моя дорога, —
Сырая ночь — ни хаты, ни огня, —
Ямщик поет — в душе опять тревога, —
Про черный день нет песни у меня.
А песня нужна, как нужно иногда и забвение. Не забвение Источника Живой Воды, а грубых мелочей обыденности. Но смерть «покровы с вечности срывая, не дает нам

Поэт Я. Полонский

прошлое забыть». Так смерть смерти! И да здравствует затасанная, задуманная сказка жизни, ее смысл, ее песенная душа!

И сейчас, когда истерзанная родина корчится в родовых схватках нового мира, когда боевые трубы заглушают тихие песенки «Сверчка-музыканта», нельзя все же забывать его, нельзя забывать того, что — во всю силу своих слабеньких легких — кричал человеку о человеческом, о человечности, о задуманной простоте жизни, о нумерации радости бесхитростного, но мудрого существования. И будем надеяться, что скоро наступит для Руси время, когда освобожденная от цепей человеконенавистнического большевизма, она напишет на могиле поэта его слова —

... Нужна
Для счастья законная свобода,
А для свободы — вольная страна.
Б. Филантинский

Журналисты на большом огороде под Кенигсбергом, где заняты на работах около пятидесяти русских трудящихся. Некоторые женщины живут здесь с семьями